

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ЭКОНОМИКИ И ПРАВА

№ 3

Удб
514

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1952

МАТЕРИАЛЫ и СООБЩЕНИЯ

Ф. Я. ПОЛЯНСКИЙ

**Г. В. ПЛЕХАНОВ КАК ИСТОРИК РУССКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ XVI—XVIII ВЕКОВ**

Работы Плеханова по истории русской экономической мысли не получили в нашей литературе серьезной и критической оценки. Больше того, многие положения, сформулированные им, воспроизводятся и до сих пор как вполне приемлемое решение того или иного вопроса.

Одной из причин этого является недостаточно критическое отношение к работам Плеханова.

Между тем взгляды Плеханова по интересующему нас вопросу были частью его меньшевистской концепции истории России.

Уже в своих работах, написанных до 1903 г., Плеханов некритически воспринимал схемы буржуазных и дворянских историков, повторяя их теорию государственного закрепощения крестьянства и фискального происхождения русской общины, считал русский абсолютизм внеклассовой силой, опирающейся на невежество и отсталость народных масс. Вместе с тем уже тогда Плеханов выдвигал ошибочный тезис о восточном характере исторического развития России и давал противоречивую характеристику экономической политики Петра I. Он ошибочно квалифицировал реформу 1861 г. как чисто фискальную сделку правительства с дворянством и неправильно определял особенности послереформенного развития экономики России, сводя его лишь к расширению товарности хозяйства. Плеханов допускал сохранение мелкого производства в технически примитивных отраслях промышленности, недооценивал степень зрелости русского капитализма и тем самым отрезал себе пути к теории неизбежного перерастания буржуазно-демократической революции, пережить которую предстояло России, в социалистическую. С другой стороны, Плеханов одновременно недооценивал революционного значения крестьянской борьбы против помещичьего землевладения, так как ошибочно сводил пережитки крепостничества в пореформенной России лишь к податной зависимости крестьянства от самодержавного государства. Наконец, уже тогда экскурсы Плеханова в историю страдали недостаточной фактической документацией и некоторыми элементами догматизма, затруднявшими творческое применение марксизма к анализу истории России.

Все эти ошибки в утрированном виде и на расширенной основе он воспроизводил в своих работах меньшевистского периода, заостряя свои взгляды и делая их еще более категорическими, как того требовали его меньшевистские установки в вопросах политической жизни.

В. И. Ленин указывал в период споров по аграрному вопросу, что «исторические воззрения Плеханова состоят в утрировке либерально-народнического взгляда на московскую Русь»¹.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 302.

В частности, Плеханов опять и особенно энергично развивал в этот период свой излюбленный тезис об азиатском варианте русского исторического развития, вековых колебаниях России между Западом и Востоком. Необычайно преувеличивая роль государства в истории крепостной России, он еще более решительно, чем раньше, защищал чичеринскую теорию государственного закрепощения крестьянства и фискального происхождения общины в Московском государстве. Свое ошибочное понимание абсолютизма как надклассовой силы он попрежнему переносил на русское самодержавие, преуменьшал значение мероприятий Петра I (сводя их только к «европеизации» России) и уклонялся от определения буржуазного содержания реформы 1861 г., усматривая в ней лишь перераспределение крепостных в пользу государства. Он ошибочно считал программу государственного крепостничества актуальной для русского абсолютизма даже во второй половине XIX в. (а не только в XVI—XVII вв.). С позиций Плеханова становилось невозможным объяснение быстрого развития промышленного капитализма в России после реформы 1861 г. и, следовательно, выяснение перспектив предстоящей буржуазной революции, исторической роли пролетариата, его политической зрелости, от которой зависело ее перерастание в революцию социалистическую.

Но, кроме того, свои ошибки 80—90-х годов Плеханов дополнил в работах меньшевистского периода целым рядом новых ошибочных положений. Он совершенно некритически заимствовал их у буржуазных историков России — Соловьева, Ключевского, Милюкова, выдавая за марксизм вульгарно-механистические и идеалистические заключения последних.

В работах меньшевистского периода Плеханов игнорирует азбуку марксизма, пытается дать географическое истолкование экономической истории России и в тесной связи с этим отводит совершенно исключительную роль колонизации, считая ее основным началом русской истории. В поисках внешних факторов исторического развития России Плеханов в этих работах ошибочно переоценивал роль кочевников в истории России, утверждая, что именно борьба с кочевниками Азии сделала московскую Русь Азией. И в вопросе о роли кочевников Плеханов некритически воспринимал схемы буржуазных историков, повторяя тезис, например, Костомарова, согласно которому татары сбили Русь с европейской дороги. Он совершенно неосновательно выставлял тезис об изначальной реакционности крепостничества и все прогрессивное в русской истории связывал лишь с зарождением капитализма.

Преувеличивая экономическую отсталость России, Плеханов в своих работах меньшевистского периода совсем отрицал прогрессивную роль русских городов, следуя при этом по стопам Милюкова. Но самым паразитическим является то, что в них Плеханов выступил с защитой теории государственного закрепощения дворянства в истории крепостной России, развивая идеи «государственной школы» старой историографии (Чичерин, Соловьев и др.). Он отрицал фактически классовые противоречия в России крепостной эпохи, считал не имеющими революционного значения крестьянские восстания того времени и даже в начале XX в. не находил в России предпосылок для революционного движения крестьянства. Совершенно ошибочное утверждение, что все общинное в русской истории было изначальным реакционным, приводило его к тезису, будто столыпинская реформа соответствует интересам пролетариата. Меньшевистское понимание русской истории, представленное в работах Плеханова, влекло за собой кадетскую оценку современности.

Но как бы то ни было, в своих произведениях меньшевистского периода Плеханов дал пространные экскурсы в историю русской экономической мысли XVI—XVIII вв., и анализ его взглядов представляет значительный интерес. Ведь тем самым можно будет отметить некоторые но-

вые моменты, характеризующие идейную эволюцию Плеханова после 1903 г. Вместе с тем станет возможным более точное выяснение тех ошибок, которые были допущены им в оценке русских экономистов и повторяются некоторыми историками по сие время.

Так, характеристике социально-экономических взглядов И. С. Пересветова в Плеханов посвящает целую главу (вторую) первого тома своей «Истории русской общественной мысли»². Как известно, сочинения Пересветова (челобитные, повесть о Царьграде, сказание о царе Константине, предсказания философов и докторов, сказание о Магомет-Салтане и др) были написаны в середине XVI в., и в них автор выступает красноречивым дворянским публицистом. Русское государство переживало тогда переломный момент в своем экономическом развитии, период острой борьбы устаревшей вотчинной системы феодального хозяйства с более прогрессивной поместной системой. Последняя допускала более интенсивное использование земельных богатств крепостников, дальнейшее расширение площади агрикультуры, связанное с ростом господской запашки, и, главное, усиление эксплуатации крестьянства. Ускоряя развитие производительных сил страны и обогащая господствующий класс за счет барщинной эксплуатации крестьянства, поместная система утверждала свое господство. Она решала экономические проблемы служилого дворянства, и последнее решительно отстаивало ее в борьбе с боярским землевладением.

Задача дворянства заключалась при этом в том, чтобы полнее использовать для осуществления своих классовых интересов абсолютизм, как свой политический центр, складывающийся в борьбе Ивана Грозного с узко групповыми привилегиями боярства.

Такова социально-экономическая и политическая обстановка, в которой Иван Пересветов выступил как выразитель интересов служилого дворянства, начертавший целую программу его требований. Он использовал заинтересованность Грозного в усилении армии и предлагал ему установить теснейший союз со служилым дворянством, игнорируя боярство. Пересветов рекомендовал Грозному опираться только на «воинников» или мелких дворян, щедро наделять их поместьями, сообразно военным заслугам, а не родовитости, установить для них денежное жалование, централизовать государственные доходы, ввести государственные суды взамен судов кормленщиков, составить судебники, довести регулярную армию до 20 тыс., завоевать Казанское ханство, создать военную оборонительную линию на Юге. Он предлагал ликвидировать кабальное холопство, угрожавшее даже части служилого люда.

Плеханов в своей работе затрагивает взгляды Пересветова, и уже в этой сравнительно краткой характеристике одного из представителей русской экономической мысли XVI в. сказываются все существенные особенности Плеханова как ее историка.

В самом деле, Плеханов осуждает фактически централизаторскую политику Ивана Грозного и выражает симпатии консерватизму Курбского. Правда, кое-что в этом объяснялось критическими задачами Плеханова по отношению к самодержавию Романовых XX в., но дело не только в этом. Плеханов считал исторически неподготовленной и социально-экономически неоправданной политику Грозного, квалифицируя новаторство последнего как самодурство в его звериных формах. Абсолютизм представлялся ему прогрессивным явлением в Западной Европе, но чисто искусственным в отсталой, крепостной России XVI в. Этой последней он отказывал в праве на централизованную государственность, хотя бы и в абсолютистских формах.

Пристрастие Пересветова к такой государственности и войскам из мелких служилых людей, награждаемых по заслугам, Плеханов толко-

² См. Г. Плеханов, Соч., т. XX, стр. 153, 154, 156—158, 160—162, 168, 194.

вал как признак его отсталости и склонность к восточному разрешению социально-политических проблем Московского государства.

Плеханов прямо заявлял, что Пересветов, как идеолог мелкого служилого люда, искал для московской Руси идеалы на Востоке. Между тем сам же Плеханов признавал, что господство и самоуправство бояр Пересветов считал главным злом Московского государства и его планы были рассчитаны на устранение этого. Однако неужели всякая защита централизованной государственности в истории России обязательно означала пропаганду «восточных идеалов»? А ведь Плеханов и доказывал именно это, пытаясь подкрепить свой тезис о «восточном варианте» русского исторического развития. Ошибочное понимание особенностей последнего влекло Плеханова к неправильным оценкам русской экономической мысли XVI века.

Конечно, выступление Пересветова против холопства обуславливалось борьбой разных группировок господствующего класса за преимущественные права на эксплуатацию крестьян и потому не дает оснований считать его имеющим какое-либо отношение к эмансипационным стремлениям народа. Но Плеханов ограничился лишь констатацией этого факта, совершенно уклонившись от выяснения того, какое историческое значение имела постановка русским экономистом XVI в. столь важной народнохозяйственной проблемы.

* * *

Анализу экономической концепции и программы экономической политики Юрия Крижанича Плеханов посвятил целый раздел девятой главы в первой книге своей «Истории русской общественной мысли».

Работы Крижанича, написанные в XVII в., ярко отразили социально-экономические и политические условия тогдашней России. К этому времени русское государство достигло гигантских масштабов, и на востоке его границы достигли берегов Тихого океана. Утвердилось господство абсолютизма, выдержавшего период тяжелых испытаний в годы польско-шведской интервенции и грандиозных крестьянских восстаний в начале столетия. Экспансия барщинной системы продолжалась, и в орбиту феодальной эксплуатации вовлекались все более широкие массы крестьянства, все новые и новые земельные территории. Русское дворянство укрепляло свои экономические позиции ценой жестокой эксплуатации народа.

Однако это вызывало необычайное обострение классовых антагонизмов, и городские восстания середины XVII в., позднее крестьянская война в начале 70-х годов под руководством Разина наглядно свидетельствуют об этом. Не случайно поэтому Крижанич так опасался политических самоуправства московской бюрократии и фискальных экспериментов абсолютизма.

С другой стороны, экономические противоречия России становились все более невыносимыми и опасными. Как великая держава Европы и Азии, она не могла оставаться чисто аграрным государством с малолюдными городами и слабо развитым ремеслом. Сама барщинная эксплуатация крестьянства требовала большого количества сельскохозяйственного инвентаря, и без минимально развитой промышленности русский абсолютизм не мог освоить сибирские просторы, даже отстоять свою самостоятельность на международной арене. Ведь в XVII в. складывались колониальные империи Голландии, Англии, Франции, и разбой остиндских компаний служил наглядным предостережением. Само дворянство России нуждалось в предметах роскоши не меньше, чем московские цари в военном снаряжении.

Все это не мог игнорировать такой горячий идеолог славянства, каким был Ю. Крижанич, хорват по национальности, обретший в России

свою вторую родину. В своих работах он формулировал широкую программу экономических и политических преобразований.

В оценке экономических взглядов Крижанича обычным образом сказывались ошибочные установки Плеханова в вопросах истории экономической мысли XVI—XVIII веков.

Правда, Плеханов удачно и метко высмеивал, со свойственным ему остроумием, наивные иллюзии Крижанича относительно всеопределяющей роли абсолютистского государства и возможности самодержавных реформ в Московском государстве XVII в. Но в целом он давал совершенно неправильную интерпретацию экономическим исследованиям Крижанича, проецируя славянофильство XIX в. в далекое прошлое России и стирая бесспорные грани между отдельными течениями в эволюции ее общественной мысли. Плеханов всюду находил славянофилов, как только заходила речь о сколько-нибудь оригинальном представителе русской экономической мысли, причем совершенно не считаясь с условиями эпохи. Вся история русской экономической мысли сводилась Плехановым к антитезе славянофильства и западничества, ее изложение давалось в определениях XIX в., и она модернизировалась совершенно неосновательным образом. Он не допускал и мысли, что в экономической литературе России может быть что-либо значительное, так как все оригинальное он толковал как самобытное, а это последнее отождествлял со славянофильством и квалифицировал как проявление отсталости. Призывы же Крижанича к объединению славянства под руководством России Плеханов характеризовал как панславизм, своего рода великодержавный шовинизм, предосудительный со многих точек зрения. Он игнорировал тот факт, что в XVII в. балканские славяне стонали под турецким игом, а чехи истекали кровью в борьбе с немецкими ландскнехтами. Следовательно, призывы Крижанича имели под собой историческое обоснование и были вполне прогрессивными, их осуществление ускорило бы экономическое и культурное развитие славянских народов.

Характерно, что в определении отношения Крижанича к Московскому государству Плеханов ставил ударение на том неблагоприятном впечатлении, которое на поборника единства славянских народов произвели московские обыватели XVII века.

Это нужно было Плеханову для того, чтобы подкрепить свои излюбленные определения московской Руси как восточной деспотии, отсталость которой являлась необычайной для Европы. В соответствии с этим Плеханов и объяснял особенности экономической концепции Крижанича его желанием европеизировать Московское государство, как восточную деспотию на европейской территории. Таким образом, развитую Крижаничем программу социально-экономических преобразований Плеханов толковал с позиций своей ошибочной теории «восточного варианта» русского исторического развития. В результате этого сами проекты Крижанича выступали в освещении Плеханова как продукт отсталости России, восточный деспотизм которой и порождал обычное в таких случаях прожектерство.

Поставив перед собой ложную задачу «развенчать» Крижанича как экономиста и мыслителя, Плеханов неосновательно доказывал, что все экономические исследования Крижанича были простой компиляцией идей западноевропейских экономистов.

Он противоречил при этом своим же собственным утверждениям, что Крижанич был славянофилом. Плеханов шел в этом отношении настолько далеко, что сопоставлял Крижанича с... Кенэ, жившим на 100 лет позднее и развивавшим аналогичную мысль о зависимости богатства короля от экономического положения крестьянства. Наоборот, следовало подчеркнуть, что если просвещенный Кенэ в XVIII в. пришел к тому же выводу, который определенно формулировался задолго до него Крижаничем, то, значит, исследования последнего стояли в свое время на высоком теоретическом уровне.

Плеханов приходил к своим ошибочным выводам лишь потому, что обеднял тему и не показывал фактически богатого содержания экономических исследований Крижанича. Так, излагая разработанную Крижаничем программу экономической политики, Плеханов указывал лишь на то, что им проектировалось перенесение в Россию с Запада цеховой организации ремесла, частичного самоуправления городов, законодательства о неделимости поместий, изъятия духовенства из-под власти светских судов, юридического разграничения отдельных категорий служилых людей, подданного от холопа и т. д. Следовательно, Плеханов отмечал лишь те элементы в содержании работ Крижанича, в которых шла речь об упорядочении феодального режима Московского государства в соответствии с западноевропейскими образцами.

Но ведь Крижанич вовсе не ограничивался этим. Сам Плеханов отмечал, что Крижанич ставил перед собой задачу ускорить развитие производительных сил России, однако отмечал слишком глухо, без развернутого комментария. Между тем историческое значение экономических работ Крижанича заключалось именно в этом. Ведь осуществление его проектов экономического возрождения России встречало непреодолимые препятствия в политическом самоуправстве царской бюрократии и господстве крепостничества. Пытаясь же их преодолеть, Крижанич естественно становился критиком крепостного режима тогдашней России, и его, например, протесты против «крутого владения» носили оппозиционный характер, имели прогрессивное значение. Они были самостоятельным и смелым выступлением благородного мыслителя в жестокой обстановке политического бесправия. Чтобы обеспечить промышленное развитие России рабочей силой, Крижанич предлагал использовать наемных рабочих, гарантируя им достаточную плату, освободить холопов, знающих какое-либо ремесло. Вместе с тем для ускорения роста населения он советовал уменьшить чрезмерные налоги и смягчить законы. Крижанич прямо утверждал, что невежество унижает русских людей перед иностранцами, и рекомендовал усвоение западноевропейской технической культуры, обучение молодежи ремеслу, выпуску книг определенных авторов, создание школ, обучение женщин прядильному искусству, ткачеству, шитью и т. д.

Конечно, Крижанич стоял на почве существующего строя и считал бесспорным господство крепостничества и царской власти в России. Однако он возлагал на последнюю огромные экономические задачи (вплоть до организации крупного промышленного производства), требовал смягчения законодательства, ограничения произвола бюрократии, уменьшения налогового гнета, развития производительных сил страны, борьбы за ее экономическую независимость, организации народного образования и общего улучшения материальных условий народной жизни. Таким образом, экономическая программа Крижанича фактически осуждала многие стороны традиционных и жестоких порядков крепостничества, будучи дальновидной критикой их наиболее одиозных элементов. Перед Россией, как своим вторым отечеством, он открывал новые горизонты творчества и новые пути экономического развития.

Крижанич выставлял программу прогрессивного развития экономики и культуры России, во многом предвосхищавшую мероприятия Петровской эпохи. Поэтому безусловно ошибочно Плеханов противопоставлял Крижанича Петру I, так как их расхождения не затрагивали основных положений той программы экономической политики, которая развивалась обоими.

Выступления Крижанича в пользу «гостогонства» и «запертия рубежей» были его попыткой отстоять экономическую независимость страны, а борьбу за эту независимость вел и Петр I. Конечно, в новых экономических условиях Петр мог санкционировать более широкое проникновение иностранцев на экономическую периферию России, не опасаясь

ущерба для ее хозяйственной самостоятельности. Но ведь и Крижанич предлагал приглашение иноземных мастеров, перенесение в Россию западноевропейской техники, выписку иностранных книг и т. д. Необходимо учитывать и то, что враждебное отношение Крижанича к иноземцам в значительной мере объяснялось его соображениями политического характера — как идеолога славянства. Точно так же и выступления Крижанича против тирании свидетельствовали лишь о своеобразии его политической ориентации, масштабы которого не следует преувеличивать. Даже в вопросах политики он (как позднее и Петр) стоял на позициях абсолютизма, отвергая лишь крайности последнего. Плеханов сам признавал, что Крижанич идеализировал французский абсолютизм и верил в чудодейственную силу самодержавных правителей.

Столь резкое и ошибочное противопоставление Крижанича Петру I понадобилось Плеханову для того, чтобы еще более подчеркнуть примитивность и отсталость экономической концепции Крижанича, как того требовали общие установки Плеханова при оценке русской экономической мысли XVI—XVIII веков.

Конечно, Крижанич развивал идеи меркантилизма, хорошо известные в Западной Европе. Но это не умаляет его заслуг перед русской экономической мыслью, так как в условиях отсталой, крепостной России, он разрабатывал передовые идеи своего времени и стоял на уровне современной ему науки. Ведь экономическая политика меркантилизма в эту пору вовсе не везде получила признание в самой Западной Европе и при своем практическом осуществлении встречала сопротивление с разных сторон. В отличие от западноевропейских меркантилистов, Крижанич не игнорировал задач развития сельского хозяйства и предлагал для их решения изучение климата и почвенных условий разных областей, периодические проверки сельскохозяйственного инвентаря по деревням, организацию его продажи по доступным ценам, строительство благоустроенных домов, развитие виноградарства, табаководства, пчеловодства, шелководства.

Таким образом, вопреки мнению Плеханова, Крижанич был крупным представителем русской экономической мысли XVII в., он близко к сердцу воспринял социально-экономические проблемы России и для их решения отдал свои силы.

* * *

В работах Плеханова, посвященных истории русской экономической мысли XVI—XVIII вв., особенно большое место занимает И. Т. Посошков. К нему он возвращается много раз, а во второй книге «Истории русской общественной мысли» посвящает этой теме целую главу.

Замечательная работа И. Т. Посошкова «О скудости и богатстве» была написана на грани 20-х годов, в конце царствования Петра I, и прекрасно отразила все социально-экономические противоречия Петровской эпохи. За истекшие со времени трактата Ю. Крижанича 50 лет Россия далеко продвинулась вперед и при Петре I стала еще более обширной, прорубила знаменитое «окно в Европу», превратилась в мощную державу с сильной армией и растущим флотом. Во многих местах были созданы крупные мануфактуры, далеко превосходившие все то, что было известно в XVII в., и началось освоение Урала, задымились его домы. Подавив народные восстания, крепостники цепко держали крестьянство в своих руках, еще больше расширяя господскую запашку и усиливая крепостной гнет. Экономические резервы крепостничества оставались столь значительными, что делались попытки использования их даже для развития тогдашней промышленности. Россия переживала строительную горячку и приступила к экспорту промышленных изделий в широком масштабе. Грандиозный размах петербургских сооружений свидетельст-

вовал об ее огромных экономических возможностях. Петр завершил дело Ивана Грозного и довел свой абсолютизм до крайности. Все казалось возможным для русского царя, не исключая истребления бород.

Однако и при Петре I не были сняты экономические проблемы, ставшие актуальными для России еще во времена Крижанича и даже раньше. Крупная промышленность мануфактурного типа еще только пускала корни в толщу экономической жизни России и страдала от узости внутреннего рынка, иностранной конкуренции, недостатка капиталов, квалифицированных рабочих и рабочей силы вообще, когда она требовалась в крупных масштабах. Народ стонал под гнетом крепостничества и фискальных экспериментов петровского абсолютизма. Само купечество оставалось пришибленным, и его интересы, экономическая активность ущемлялись дворянскими привилегиями и самоуправством всевластной бюрократии.

В таких условиях стране требовались серьезные экономические реформы, и смелым советчиком Петра I попытался выступить предприимчивый «купецкий человек», выходец из подмосковных мастеров-серебряников — И. Т. Посошков. Он написал яркий и интереснейший трактат об основных проблемах экономики тогдашней России.

Однако содержание плехановской характеристики экономических взглядов Посошкова показывает, что она ошибочна от начала до конца и совсем не содержит в себе правильных положений. Задача «развенчать» авторитеты русской экономической мысли XVI—XVIII вв. и обосновать меньшевистский тезис об исключительной отсталости крепостной России привела Плеханова к совершенно ложным заключениям. Его выводы о Посошкове не только ошибочны, но и несправедливы. В угоду своим меньшевистским установкам в оценке прошлого России Плеханов незаслуженно принижал научное и историческое значение экономических исследований Посошкова.

Так, по мнению Плеханова, особенно наивными являются представления Посошкова о деньгах, поскольку автор «Книги о скудости и богатстве» считал русских царей всевластными в делах денежного обращения. Но совершенно ясно, что Посошков просто доводил до крайности характерное для меркантилистов (в том числе и западноевропейских) преувеличение экономической власти абсолютистского государства, приписывая русскому царю возможности авторитарного определения курса денег.

Ведь все меркантилисты и везде выступали за самое активное вмешательство бюрократии абсолютизма в экономическую жизнь. В России XVIII в. это было тем более естественно, поскольку сохранялось крепостничество и реформа экономической жизни, осуществленная правительством, оказывалась единственной надеждой передовых людей, раз еще не созрели условия для народной революции. Посошков поэтому и возлагал все свои упования на Петра I, преклоняясь перед ним. Кроме того, преувеличивая роль русских монархов в сфере денежного обращения, он высказал идеи, которые на Западе развивались номинализмом и много позднее государственной теорией денег. Следовательно, высказывания Посошкова о деньгах нельзя квалифицировать огульно как наивные, тем более, что, по его мнению, авторитарные начала денежного обращения в России ограничивались ее территорией и, согласно разработанному им плану, на международном рынке должны были функционировать червонцы, т. е. полноценная золотая монета. Наконец, он предлагал вполне основательные мероприятия по искоренению порчи русских монет и в своих практических планах советовал улучшать денежное обращение путем очищения монет от примесей.

Нет оснований утверждать, будто «концепция денег Посошкова не вяжется с его меркантилистической позицией в вопросе о развитии торговли и промышленности», как это утверждает новейший исследователь вопроса, ссылаясь на то, что «меркантилисты Запада разделяли, как пра-

вило, именно то понимание ценности денег, которое критиковал Посошков»³.

Расхождение с западноевропейскими меркантилистами в этом вопросе свидетельствует лишь об оригинальности экономических взглядов Посошкова. Но характерная для меркантилизма мысль о чисто авторитарном разрешении самых разнообразных экономических задач нашла свое крайнее выражение в той интерпретации денег, которую дал Посошков. Концепция денег, развитая Посошковым, — не курьез, а органическая часть его меркантилистических воззрений.

Плеханов слишком односторонне использовал литературу Запада для критики Посошкова, демонстрируя примеры более ранних и более правильных высказываний о деньгах французских и итальянских экономистов, отрицавших задолго до Посошкова определяющую роль государственной власти для денежного обращения. На самом деле номиналистические концепции денег разрабатывались в Западной Европе много после Посошкова, а в новом варианте государственной теории они и в XX в. считаются откровением многими буржуазными экономистами.

Вместе с тем плехановская оценка экономических взглядов Посошкова страдает крайним антиисторизмом. Он противопоставлял Посошкову экономические исследования западноевропейских экономистов, хотя сам же признавал, что Посошков был самоучкой и иностранная литература оставалась ему неведомой. Эта литература выросла на иной социально-экономической основе и вовсе не является единственным масштабом для оценки экономических исследований русского меркантилиста начала XVIII века.

Посошкова нельзя рассматривать изолированно от социально-экономических условий тогдашней России и безотносительно к ним сопоставлять с Вильямом Петти. Конечно, последний занимался в XVII в. такими проблемами стоимости, которых не замечал Посошков и в XVIII столетии. Но почему их тематика должна была совпадать и разве Посошков не имел право заниматься выяснением проблем, более актуальных для его отечества? Перед Россией на грани XVII—XVIII вв. стояли специфические задачи в области экономики, и их довольно смело, оригинально разрешал автор «Книги о скудости и богатстве», но Плеханов искал в нем теоретика стоимости, хотя в сочинениях самого В. Петти о стоимости имеются лишь отдельные замечания. На первом плане для Петти стояли проблемы экономической политики, а в этой области с ним вполне может поспорить Посошков.

На самом деле в своей «Книге о скудости и богатстве» последний выступает как самобытный и оригинальный мыслитель, как выдающийся теоретик русского меркантилизма, стоящий на уровне передовых идей своего времени. Он вовсе не был тем «политическим младенцем», каким его изображает Святловский. Ведь Посошков выставил прогрессивную и вполне мотивированную программу экономического возрождения России путем ускоренного развития торговли и промышленности, предложив для этого целую серию весьма полезных мероприятий. Он рекомендовал улучшение судопроизводства, наведение полицейского правопорядка в стране, повышение технической культуры мастеров, государственное строительство промышленных мануфактур, финансирование мануфактуристов, снабжение их рабочей силой, контроль над ученичеством и техникой производства, штемпелевание готовых изделий, переработку отечественного сырья, поиски новых видов последнего, более широкое использование природных богатств России, возвышение купечества, улучшение организации налогового дела и т. д. Все эти мероприятия осуществлялись Петром I и прославили его на целые века.

³ См. А. И. Пашков, Экономические взгляды И. Т. Посошкова, «Известия АН СССР, Отд. экономики и права», 1945, № 4, стр. 41.

Поэтому у нас нет оснований иронизировать над проектами Посошкова (как то делает Плеханов) и изображать его доморощенным «московским прогрессистом», убогим в своих планах и замыслах. Меркантилистические предложения Посошкова об ограничении роскоши, ввоза иностранных товаров, деятельности заграничных купцов, затем призывы к усилению солидарности среди русского купечества и т. п., не были проявлением отсталости его экономических идей, так как подобные предложения отчетливо формулировали прогрессивные задачи России того времени. Он звал русский народ к борьбе за экономическую независимость страны, ее политическое развитие на новых основаниях.

Бесспорно, что Посошков не был революционером, но, защищая экономические домогательства нетитулованного купечества, он проявляет значительный радикализм, затрагивая самые острые вопросы того времени. Он атакует беззакония и вымогательства петровской бюрократии, предлагая сословный пересмотр законодательства с участием даже представителей крестьянства. Он нападает, и довольно смело, на самоуправство дворян, требуя их подчинения единому законодательству государства.

Больше того, его купеческая программа экономической политики была созвучна, в известной мере, чаяниям крестьянства. Правда, как и Петр I, Посошков допускал использование крепостничества для развития промышленности, советуя отправлять бездельников и нищих на заводы принудительным порядком, юридически оформляя их крепостничество.

Но вместе с тем он выступал с планом законодательного ограничения эксплуатации крепостных помещиками, путем запрета барщин и оброков сверх установленной нормы.

Помимо этого, он добивался увеличения крестьянского землепользования, обуславливая взимание оброка с крестьян и отработку барщин последними предоставлением им полных земельных наделов. Наконец, что особенно важно, Посошков ставил под сомнение сами права помещиков на крестьян, считая эти права временными, полученными от государя и зависящими от его усмотрения. Он смело оспаривал юридические основы наиболее важных дворянских привилегий, отваживаясь высказывать весьма радикальные суждения по столь щекотливому вопросу. Он спорит с дворянством именем царя, однако это не меняет дела.

Плеханов игнорировал то важное обстоятельство, что русский меркантилизм не был чисто импортным продуктом западного происхождения, но вырос на русской почве, развивался на базе экономических противоречий тогдашней России. Универсальное господство крепостничества на ее территории ставило перед русскими экономистами XVII—XVIII вв. целый ряд теоретических и практических проблем, обусловленных противоречиями крепостного режима. Хозяйственные успехи Западной Европы делали очевидными неурядицы крепостного хозяйства России и толкали передовых русских патриотов на критику ее хозяйственной системы. В результате этого исследования русских меркантилистов естественно превращались в критику системы крепостного хозяйства, если даже они и не отвергали официально юридическую правомочность крепостничества.

Выступая с проектами экономических преобразований, призывая к развитию торговли и промышленности, добиваясь экономической независимости страны, они боролись за прогрессивные идеи своего времени, подготовляли экономическое банкротство крепостного режима.

Поэтому русский меркантилизм богаче западноевропейского в теоретическом отношении, в тематике своих исследований и разностороннее в своих планах социально-экономических преобразований. Его проекты экономической политики более разнообразны и общественно значимы, так как в них речь идет о сравнительных преимуществах целых экономических систем, способов общественного производства, в то время как

западноевропейский меркантилизм ограничивался главным образом выяснением преимуществ отдельных отраслей производства, их сравнительной доходности (выгодности внешней торговли сравнительно с внутренней, промышленности и торговли по сравнению с сельским хозяйством). С развернутой критикой крепостничества в западноевропейской литературе выступал лишь Адам Смит, представитель уже классической школы. Понятно, что при этом русские меркантилисты уже классической школы. Понятно, что при этом русские меркантилисты уже классической школы. Понятно, что при этом русские меркантилисты уже классической школы. Понятно, что при этом русские меркантилисты уже классической школы. Понятно, что при этом русские меркантилисты уже классической школы.

Как бы то ни было, но русский меркантилизм вырос на русской почве, а между тем Плеханов считал возможным давать оценку экономическим взглядам Посошкова с точки зрения западноевропейских условий и теоретических достижений экономистов Западной Европы. Он искусственно отрывал Посошкова от русской почвы и затем выставлял его в самом неприглядном виде, оперируя западноевропейскими стандартами. Плеханов не учитывал того обстоятельства, что Посошков вообще не занимался экономическими проблемами Западной Европы и литература последней оставалась ему неизвестной.

Утверждение же Плеханова, что в качестве «московского прогрессиста» Посошков смотрел в прошлое, а не будущее,— лишено всякого основания. Оно стоит в резком противоречии с экономической программой Посошкова, рассчитанной на экономический подъем России, ускорение ее экономического развития.

Плеханов фактически умалчивает об этой программе и судит об экономических взглядах Посошкова на основании его политических воззрений, отличавшихся консерватизмом. Он ссылаясь на то, что Посошков был монархистом, склонным к обожествлению царя и представителем староцерковного мировоззрения, отличавшегося фанатизмом и религиозной нетерпимостью. Плеханов утверждал при этом, что только в полицейской империи Николая I Посошков мог сойти за радикала в актуальных вопросах политической жизни. Наконец, в числе аргументов Плеханова фигурирует и «старомосковский дух», представленный в педагогических высказываниях Посошкова, ориентирующих на домостроевские порядки.

Но рассуждая таким образом, Плеханов ради справедливости должен был бы произвести переоценку и многих прославленных экономистов Западной Европы. Общеизвестно, что меркантилисты последней были решительными сторонниками абсолютизма и оправдывали его экономическую политику безоговорочно. Точно так же и физиократы, в лице самого Кенэ, были монархистами, возлагали свои надежды на просвещенный деспотизм и открыто заявляли об этом. Тем не менее никто не будет на этом основании отрицать крупные достижения Кенэ в разработке вопросов экономической теории. Экономические исследования Кенэ, несмотря на архаизм его политических взглядов, безусловно следует признать ценным приобретением науки XVIII в. Во всяком случае их нельзя оценивать на основании того, что автор «Экономической таблицы» был правоверным католиком.

Слабым местом экономических воззрений Посошкова Плеханов считал и то, что непрощенный советник Петра I слишком близко к сердцу брал купеческие интересы, рекомендуя Петру свою программу экономической политики. Плеханов решительно подчеркивал, что Посошков был идеологом не крестьянства, а торгово-промышленной буржуазии, и поэтому больше всего интересовался вопросом об отношении русских купцов к иноземцам, а экономические бедствия крестьян объяснял их ленью. Однако в условиях петровской России даже идеолог купечества мог

высказать весьма прогрессивные идеи, так как в ту пору купеческие интересы вовсе не противоречили ближайшим задачам экономического развития России.

Поэтому в те времена экономист не обязательно должен был выступать идеологом трудящихся, чтобы формулировать передовые идеи своего времени. Купеческая точка зрения отнюдь не обесценивает экономические идеи Посошкова, пытавшегося оригинально разрешить проблемы меркантилизма в условиях крепостной России. Кроме того, эти выводы Плеханова явно несправедливы, грешат против исторической истины, так как в экономической концепции Посошкова, несомненно, отразились интересы крестьянства. Как это отмечалось выше, Посошков осмеливался спорить с самим дворянством, защищая крестьянские интересы.

Тезис Плеханова, что в области экономической теории Посошков не сделал ровно никаких открытий, а в вопросах экономической политики его требования были значительно раньше сформулированы западноевропейскими экономистами, является тенденциозным и совершенно несостоятельным. Ведь автор «Книги о скудости и богатстве» все же самостоятельно решал актуальные проблемы экономической жизни России, и значение его исследований совсем не умалялось тем обстоятельством, что предлагавшееся им использование принудительного труда бродяг и нищих уже давно практиковалось в Англии (с XVI в.).

Когда же Посошков утверждал, что крестьянское богатство есть богатство царственное и поэтому российский император должен обратить внимание на положение крестьянства, то, очевидно, решал чисто русскую проблему того времени и судил о перспективах экономического развития России с весьма своеобразной точки зрения. Как талантливый самоучка, Посошков не был связан с какой-либо литературной традицией и в решении экономических проблем эпохи опирался только на свой жизненный опыт. Поэтому совершенно неуместными нужно признать те розыски первоисточников идей этого рода, которыми занимался Плеханов, давая оценку экономическим взглядам Посошкова. Ссылки Плеханова на Караффу, Фортескью, Монкретьена, Буагильбера и Вобана ничего не доказывают, так как о заимствованиях их идей Посошковым не может быть и речи. Ведь эти авторы находились за пределами его эрудиции и он самостоятельно пришел к своим выводам. Сам же Плеханов отмечал при этом, что Посошков давал своеобразную (в отличие, например, от Вобана и Кенэ) формулировку той идеи, что финансовое благополучие государства определяется положением крестьянства. В своем ошибочном отрицании всяких теоретических заслуг Посошкова Плеханов шел настолько далеко, что находил в Крижаниче одного из предшественников его идей о государственном значении крестьянского богатства. Плеханов не хотел считаться даже с тем фактом, что рукопись Крижанича оставалась неопубликованной и, следовательно, недоступной для Посошкова. Но, ссылаясь на Крижанича, Плеханов фактически признавал тем самым, что и в России была возможна самостоятельная формулировка таких идей, которыми основательно гордились экономисты Запада.

Ошибки Плеханова в значительной мере проистекали из того, что в экономических изысканиях Посошкова он искал следы русской азиатчины и доказательств того, что московская Русь была вариантом восточной деспотии, а ее развитие шло отличными путями, неизвестными европейскому Западу.

Поэтому, например, важное требование Посошкова о законодательном ограничении барщинной и оброчной эксплуатации крестьянства Плеханов тенденциозно толковал как проявление старомосковских традиций, допускавших властное вмешательство самодержавной бюрократии в экономическую жизнь. Для освещения этой практики, как утверждает Плеханов, не требовалось особой теории, она тут ни при чем. Об

ограждения крестьянской спины, говорит Плеханов, он не беспокоился и смелости в своих требованиях не обнаружил.

Аналогичным образом Плеханов толковал и требования Посошкова о наделении крестьян полными земельными наделами, дабы налоги взимались с них сообразно их земельной обеспеченности. По мнению Плеханова, речь у Посошкова шла просто о той практике уравнительного землепользования, которую в своих фискальных интересах издавна поощрял царизм в России, деспотически отрицая права ее подданных на землю. В рассуждениях Посошкова Плеханов усматривал лишь попытку обоснования фискальной политики русского абсолютизма, который методами деспотии Востока насаждал общину с ее уравнительным землепользованием.

Плеханов ссылаясь даже на то, что Посошков в своих наставлениях сыну и царство небесное рисовал в образе восточной деспотии.

Наконец, и сам меркантилизм Посошкова Плеханов ошибочно считал все тем же проявлением старомосковского духа, поскольку в самой «Книге о скудости и богатстве» он возлагал слишком большие надежды на кнут и батоги, находя в них гарантию практического осуществления предложенных им проектов экономических преобразований. Соответственно этому, Плеханов находил чисто внешним сходство экономической программы Посошкова с западноевропейским меркантилизмом, раз Посошков предлагал наказывать кушцов батогами за продажу иноземцам товаров с нарушением установленных начальством цен.

Однако Плеханов в данном случае лишь воспроизводил свои ошибочные установки в понимании природы русского крепостничества, считая его институтом государственного происхождения, и в понимании природы русской общины, в которой он видел результат фискальной политики правительства.

Поэтому даже предложения Посошкова о законодательном ограничении крепостной эксплуатации крестьянства Плеханову казалось проявлением все того же восточного деспотизма, который он находил всюду в истории московской Руси. Вместе с тем предложение Посошкова о пополнении крестьянских наделов и взимании налогов соответственно земельной обеспеченности крестьян Плеханов поспешно квалифицировал как отражение фискальной политики царизма, с ее использованием системы уравнительного землепользования. Понятно, что представления Посошкова о структуре царства небесного не имели отношения к теме и вовсе не могут считаться доказательством того, что он был идеологом «восточного варианта» исторического развития России. Аргументация Плеханова тут явно дает осечку.

Наконец, примитивность рекомендовавшихся Посошковым репрессий не кассировала важности предлагавшихся им экономических мероприятий, и напрасно Плеханов высмеивал московский меркантилизм Посошкова, противопоставляя его западноевропейским образцам меркантилистической политики. На самом деле в понимании коренных вопросов последней Посошков не уступал меркантилистам Западной Европы. Признает же сам Плеханов, что Посошков превосходил экономическую литературу некоторых стран Западной Европы (например, Германии).

Поэтому следует отметить, что общая оценка экономических работ Посошкова, данная Плехановым, противоречит его отдельным заявлениям, что Посошков был очень умен и хорошо знал русскую жизнь, обладал чувством национального достоинства (отличавшегося существенно от варварского самомнения), обнаруживал осмысленную заботу о развитии производительных сил и некоторые из предложенных им мероприятий заслуживают большого внимания. Помимо того, Плеханов сам отмечал, что Посошков не был безусловным панегиристом петровской политики, с ее самодержавием и крепостничеством, и не смотрел сквозь пальцы на положение работающей и торгующей России, выступая

идеологом тех, кто был расшевелен произволом государевых холопов и поворотом к Западу. Как говорит Плеханов, преимущество Посошкова заключалось в том, что он не все считал благополучным в «обновленной» Петром России.

Но все эти ценные признания Плеханов игнорировал в своих окончательных выводах и заключениях, повторяя десятки раз, что теоретическая ценность изысканий Посошкова не велика и т. д.

Больше того, он ставил Посошкову на вид даже то, что этот прожектор остался при осуществлении петровских реформ в роли пассивного наблюдателя. Между тем меньше всего в этом повинен был сам Посошков.

* * *

Вопрос об экономических взглядах М. В. Ломоносова также интересовав Плеханова, и во второй книге «История русской общественной мысли» он дает им весьма детальную характеристику⁴.

Ломоносов писал значительно позже Посошкова, и за истекшие более чем четверть века в России многое изменилось. Петровские мануфактуры, прочно укрепившись в России, послужили исходным пунктом для серьезного развития крупной промышленности. К середине XVIII в. Россия уже располагала большим количеством промышленных мануфактур, особенно на Урале, и успешно конкурировала со Швецией на европейских рынках железа. Были созданы значительные резервы квалифицированных рабочих, техника промышленного производства прогрессировала и все больше появлялось новаторов-изобретателей вроде замечательного изобретателя первой в мире паровой машины Ивана Ползунова. Петербург отстраивался во все более широких масштабах, и современникам Елизаветы представлялось бесспорным, что «дело Петра» восторжествовало, а его результаты благодетельны для России.

С другой стороны, страна попрежнему была придавлена чугуной плитой крепостничества и абсолютизма, экономические бедствия крестьянства и посадского населения были неописуемы. Это задерживало даже рост населения, вызывало массовое бегство крепостных и невиданное обострение классовых антагонизмов, прорвавшихся в грандиозных событиях пугачевского восстания, наиболее крупной из всех крестьянских войн в истории Европы.

Такова была обстановка в России середины XVIII в., определившая направление и характер работ М. В. Ломоносова.

Плеханов дал развернутую характеристику его мировоззрения. Ее сильной стороной безусловно нужно признать выяснение социальных условий идейного развития Ломоносова, успехи которого Плеханов правильно объяснял не только его личными талантами, но и социальной обстановкой, в которой он вырос, поскольку северное Поморье не знало всеобъемлющего господства крепостничества, обрекающего крестьянских сыновей на холопское существование. Само участие в рыболовных экспедициях, как говорит Плеханов, расширяло кругозор Ломоносова. Анализируя условия, породившие Ломоносова, Плеханов показывал реакционный характер крепостничества, мешавшего прогрессивному развитию русского народа в XVIII веке.

Плеханов справедливо указывал на то, что крепостной центральных губерний не мог бы пробиться к вершинам науки, которых достиг поморец Ломоносов, хотя ему также пришлось перенести тяжелые испытания.

Затем Плеханов вполне уместно подчеркивал огромное значение достижений Ломоносова в изучении и разработке естественных наук и повторял слова Пушкина о Ломоносове как нашем первом университете.

⁴ См. Г. Плеханов, Соч., т. XXI стр. 141—144, 146—147, 151—153.

Но ошибка Плеханова состояла в том, что он ограничился оценкой мировоззрения Ломоносова с чисто политической точки зрения. Он оставил совершенно без выяснения историческую ценность тех, чрезвычайно важных проектов развития производительных сил России, которые были предложены в свое время Ломоносовым. Экономические идеи последнего и их историческое значение остались невыясненными.

Между тем, будучи гениальным ученым, он не оставался кабинетным мыслителем, но, как горячий патриот и представитель передовой науки своего времени, глубоко интересовался (вопреки ошибочному мнению Плеханова) экономическим положением страны, будущим ее народа. Он понимал недостаточность земледельческого хозяйства для современных народов и в своей работе «Первые основания металлургии или рудных дел», указал на это, считая поиски металлов главной задачей геологии, чтобы стало возможным дальнейшее развитие металлургии. Он проектировал составление «общей системы минералогии российской» для облегчения разведок. Ломоносов был энтузиастом промышленного развития России и сам обогатил технику производства красок, стекла, пороха, фарфора, усовершенствовал технику мореходства, астрономии, гидравлики, устройства мельниц и т. д., отвергая монополию на свои технические изобретения. Выдвигая технические проекты, он давал им экономическое обоснование.

В соответствии с меркантилистическими идеями эпохи Ломоносов выступил в 1755 г. за исследование морского пути в Индию из Архангельска через Ледовитый и Тихий океаны, развивая экономическое обоснование своих предложений. Он добился снаряжения экспедиции Чичагова и составил для нее «Примерную инструкцию». Ему представлялась актуальной задача, освоенная только в наше время. Ломоносов руководил составлением «Атласа» России и проектировал еще в 1739 г. статистическую анкету для сбора сведений о торговле, ремесле и фабриках. Выставленный им проект создания «Экономического лексикона» с обозначением товаров и их происхождения начал осуществляться в 1763 г., и сам Ломоносов составил «Реестр Российским продуктам». В 1755 г. он предложил издание экономической газеты «Внутренние Российские ведомости» для осведомления купцов о местах избытка и недостатка тех или иных товаров. Ломоносов явился основоположником экономической географии.

Отстаивая прогрессивное развитие производительных сил России и ее экономическую независимость, Ломоносов одобрял активное вмешательство государства в экономическую жизнь, протекционизм и даже запрет ввоза некоторых товаров. Соединяя меркантилизм с идеями просвещенного абсолютизма, он восхищался деятельностью Петра I и в 1755 г. написал «Слово похвальное Петру Великому». Как и Посошков, он был убежден в неограниченности экономической власти русских императоров.

Вместе с тем в своем письме к Шувалову Ломоносов предложил целый проект ускорения роста населения России, причем среди предложенных им мероприятий имелись и такие, как расширение иммиграции иностранцев, затем облегчение податей, уменьшение рекрутских наборов и т. д.

Правда, взгляды Ломоносова были довольно противоречивы, поскольку он, выступая за развитие торговли, промышленности, просвещения и т. д., одновременно не отвергал крепостничество и все надежды возлагал на представителей просвещенного абсолютизма вроде Петра I. Однако ценным является то, что он звал Россию вперед, верил в ее народ и бичевал язвы крепостничества. Он, например, выступал против вождя реакционного дворянства А. П. Сумарокова, который защищал крепостничество и чисто аграрное развитие хозяйства России. Поэтому объективно Ломоносов играл положительную роль в крушении крепостничества.

Ломоносов, несомненно, являлся крупным и передовым представителем русской экономической мысли XVIII века.

Но Плеханов делал обобщающие выводы, не выяснив сколько-нибудь полно содержание социально-экономических идей Ломоносова, игнорируя его планы экономического возрождения России. Ссылаясь лишь на то, что радикальные политические стремления оставались чуждыми Ломоносову, Плеханов выставил общее утверждение о наивности его политических воззрений и их чисто консервативном характере. Отсюда следовало, что и социально-экономические планы Ломоносова могут быть квалифицированы аналогичным образом. В результате этого Плеханов ошибочно утверждал в общей форме, что Ломоносов совсем не видел темных сторон общественного строя тогдашней России, хотя его проекты, например, предназначенные для ускорения роста населения России, содержали много критических замечаний относительно ее крепостных порядков и разных неурядиц.

Плеханов сам отмечал, что Ломоносов предлагал облегчение налогового гнета и рекрутских наборов, а это в условиях того времени могло иметь серьезное значение.

Плеханов ставил в упрек Ломоносову то, что последний идеализировал деятельность Петра I и его полицейское государство, уповая на просвещенный абсолютизм. Однако выводы Плеханова страдали недостатком историзма, и он фактически исходил из той ошибочной предпосылки, что абсолютизм всегда был реакционным явлением.

На самом деле экономическая политика Петра I ускорила хозяйственное развитие России, и он вполне заслуживал похвалы со стороны Ломоносова. Сам Петр был представителем прогрессивных идей своего времени, и Ломоносов мог восторженно отзываться от его деятельности, не становясь политически наивным, а тем более реакционным в своих взглядах. Вера во всемогущество авторитарного вмешательства в экономическую жизнь была обычной для меркантилистов всех стран, Ломоносов также не избежал этого.

Плеханов судил о меркантилизме с позиций ортодоксального фритредерства, между тем как в свое время политика активного насаждения мануфактур и расширения торговли, проводившаяся абсолютизмом в Западной Европе и в России, сыграла положительную роль.

Характерно, что, по мнению Плеханова, Ломоносов отстал даже от Посошкова в понимании социально-экономических проблем России, которого в свою очередь он квалифицировал как «московского прогрессиста», т. е. как убогий вариант прогрессиста. В своих попытках доказать, что даже передовые русские ученые XVIII в. обнаруживали крайнюю отсталость при разрешении социально-экономических проблем эпохи, Плеханов заходил необычайно далеко. Над его построениями тяготела меньшевистская концепция с ее тезисом об исключительной отсталости России в прошлом и недостаточной социально-экономической зрелости в настоящем для того, чтобы буржуазно-демократическая революция могла перерасти в социалистическую.

СОДЕРЖАНИЕ

- А. С. Федосеев** — Советское государство — главное орудие построения коммунистического общества в СССР 169
Д. И. Черномордик — Хозяйственный расчет как метод управления 182

Материалы и сообщения

- Ф. Я. Полянский** — Г. В. Плеханов как историк русской экономической мысли XVI—XVIII веков 198

Научная жизнь

- Общее собрание Отделения экономики и права АН СССР (Обсуждение отчета о работе Отделения за 1951 год) 214
Источники советского социалистического права 223

Защита диссертаций

- Экспансия американских монополий на международном рынке хлопка 230
Принципы равноправия социалистических наций в советской федерации. 235

Критика и библиография

- С. Л. Ронин** — М. П. Карева. Право и нравственность в социалистическом обществе 240
Перечень книг по вопросам экономики и права, вышедших в 1951 г. 247

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ ЖУРНАЛА «ИЗВЕСТИЯ АН СССР, ОТДЕЛЕНИЕ ЭКОНОМИКИ И ПРАВА»

С выходом настоящего номера издание журнала «Известия АН СССР, Отделение экономики и права» прекращается.

Вопросы, освещавшиеся в журнале «Известия АН СССР, Отделение экономики и права», найдут в дальнейшем свое отражение в журналах Академии Наук СССР «Вопросы экономики» и «Советское государство и право».

Расчеты с подписчиками за невышедшие номера журнала производят отделения связи по месту подписки.

Редакция журнала «Известия АН СССР,
Отделение экономики и права»

Главный редактор академик **Л. Н. ИВАНОВ**

Т-03672 Подписано к печати 20.VI 1952 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 2³/₄
Печ. л. 7,53 Уч.-издат. л. 9,6 Зак. 218 Тираж 6000 экз.

2-я типография Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10